

Старый тракт, западный ветер, и никаких тощих лошадей.

Солнце клонилось к закату. И тот, у кого в животе гулял ветер, вовсе не скитался на краю света.

За городскими стенами Янчжоу, прямо на меже придорожного поля, какой-то молодой человек выпрашивал дорогу. Взгляд его лучился искренностью, а манеры дышали почтением. Низко, от самой души поклонившись, он сложил руки перед собой и со всей искренностью спросил:

— Будьте любезны, подскажите, как пройти к ближайшей харчевне?

Словно в подтверждение его слов, из утробы юноши раздалось утробное «ур-р-ру».

— Му-у-у? — тот, к кому он обращался, неторопливо повернул голову. Его взгляд был не менее искренним, выражение морды — благостным, а вдобавок он еще и крутанул хвостом, издав протяжный возглас.

— Матушка, матушка, погляди на того дядю! Зачем он разговаривает с коровой?

— Тсс, тише ты! Не иначе как сумасшедший.

Проходившие мимо мать с дочкой покосились на юношу и корову. Мать поспешно притянула девочку к себе и прибавила шагу, лишь бы оказаться подальше от чудака в странном платье, который пытался вести беседы со скотиной.

Большинство прохожих реагировали точно так же, и лишь одна старушка не выдержала. Качая головой, она горестно вздохнула: «Бедное дитя... Такой молодой, а уже умом тронулся». Видя, что на парне и одежды-то путной нет — нацепил на себя несколько чи¹ рванья и шатается повсюду, — она тут же рассудила: видимо, родная матушка померла рано, а отец привел в дом злобную мачеху, которая и изводит дитя от первой жены.

За пару мгновений в голове у старушки развернулась целая драма под названием «Злодеев покарает небо», и ее сердце преисполнилось безграничной жалости к безумному юноше, беседующему с коровой.

Она засемила вперед и, прервав затянувшийся монолог незнакомца, ласково сказала:

— Сынок, это же корова, она разговаривать не умеет. Если ты голоден, пойдем ко мне в дом. Я приготовлю тебе поесть, идет?

— Корова? — Фэй Цзинь² обернулся, округлив глаза в полном изумлении. Так, значит, это черное бесформенное пятно перед ним — не человек? То-то ему с самого начала казалось, что

здесь что-то не так. Впрочем, похоже, у подножия гор все-таки водятся добрые люди. Вот хотя бы эта почтенная старушка позади...

— А-а-а!!! Не надо, не убивай меня! Пощади, великий воин! — стоило старушке встретиться со взглядом Фэй Цзиня, как она, не дожидаясь его речей, мгновенно переменилась в лице. Объятая диким ужасом, шестидесятивосьмилетняя почтенная старушка бросилась наутек, перебирая ногами и едва ли не ползком карабкаясь прочь. Такой прыти от нее никак нельзя было ожидать.

Разумеется, в глазах самого Фэй Цзиня все это выглядело так, будто смутный силуэт просто промелькнул перед носом и тут же слился с окрестным пейзажем, так что теперь и не разберешь, где кто.

«Ур-ру».

«Ур-ру-ру-у».

В животе снова загредел гром. Фэй Цзинь с досадой погладил живот, несчастный и растерянный, совершенно не зная, что делать. Почему здешние люди так непохожи на тех, кого он себе воображал?

Он впервые спустился с гор ради странствий и закалки духа по приказу наставника. До этого момента он провёл всю жизнь среди лесов и горных склонов, никогда не сталкиваясь с суетой и пылью людского мира.

Поначалу молодой господин Фэй прямо-таки сторал от любопытства и предвкушения перед встречей с так называемым мирским круговоротом. Но кто же знал, что с самого спуска все встречные будут либо тыкать в него пальцами издали, перешептываясь и шушукаясь, либо с криками разлетаться в рассыпную, словно узрели призрака. Словно перед ними было нечто невообразимо жуткое!

Бедный, не видевший жизни юноша окончательно запутался — словно «монах длиной в два чжана и два чи, не знающий, где у него макушка»³. Подумать только: стоило наконец отыскать того, кто его не испугался, и битый час расспрашивать дорогу, как выяснилось, что перед ним — корова.

Тут уж ничего не поделаешь. Фэй Цзинь от рождения страдал глазным недугом. Природой ему были даны большие, полные живого блеска глаза, вот только на расстоянии трёх чи он уже не различал родных, а дальше девяти чи — не отличал человека от скотины. Единственной пользой от этих глаз было то, что они... красиво смотрелись на лице.

По его собственному скромному мнению.

По крайней мере, ни один из повстречавшихся после спуска людей не назвал их красивыми. Все они лишь поминали отца с матерью да улепетывали со всех ног. Так и не узнав дороги, изголодавшийся Фэй Цзинь невольно затосковал по беззаботным временам, проведенным на горе.

Наставник был абсолютно прав: Цзянху — коварное и опасное место.

Три шира назад, на горе Кунмин.

— Наставник, вы звали меня?

Едва Шэнь Кунмин переступил порог комнаты, как увидел своего придурковатого ученика. Тот стоял лицом к цветочному горшку и почтительно гнул спину в поклоне. Сегодня юноша облачился в длинный халат цвета блеклой лазури, волосы его были небрежно скреплены деревянной заколкой в тон, а пояс оставался ничем не стянут. Полы халата и рукава слегка колыхались от сквозившего из окна ветерка, придавая молодому человеку еще более одухотворенный и парящий вид.

Если бы только в руке он не сжимал топор.

Да-да, топор — самый обыкновенный, каким деревенские дровосеки рубят хворост, разве что размером чуть поменьше. Несколько зазубрин на лезвии красноречиво свидетельствовали о том, чем юноша занимался буквально только что.

«Глупый ты ученик... Твой наставник вообще-то вошел в дверь, а ты каждый день кланяешься комнатному цветку. Разве этот горшок с землей обучит тебя божественному мастерству?» — Шэнь Кунмин долго ворчал про себя, качая головой. В конце концов, он смиренно пошел на уступку и тихонько прокрался за цветочный горшок, сделав вид, будто с самого начала стоял именно там, нельзя же ранить чувства ученика.

— Кхе-кхе, — Шэнь Кунмин прочистил горло и ласково заговорил: — Сяо Фэй, ты только что нарубил... кхе, то есть, только что закончил тренировку и вернулся?

— Да, наставник, — Фэй Цзинь с важным видом сложил руки в приветствии. — Как вы и велели, я повторил безымянную технику меча ровно сто раз.

— О-о, значит, те дрова...

— Дрова?

— Нет-нет, я имею в виду: где же плоды твоих трудов?

Простодушный юноша мгновенно просветлел лицом:

— О! Я уже сложил их на заднем дворе, прошу наставника проверить!

Шэнь Кунмин с довольным видом зыркнул в окно на задний двор. Увидев, что свеженаколотые дрова уложены ровными, аккуратными рядами, он изрядно повеселел:

— Недурно. А сегодняшнюю технику работы с внутренней энергией ты уже практиковал?

Фэй Цзинь кивнул:

— Практиковал. Удерживал пламя на идеальном уровне, так что температура воды точно отвечает вашим желаниям. Да, к слову о новых лекарственных травах: старший брат Ван из-под горы принес их вчера, и я добавил все до единой. Вот только... запах у этого нового снадобья какой-то странный.

«Хорошо, весьма хорошо. Пусть ученик немного с придурью, зато послушный и милый», — Шэнь Кунмин заложил руки за спину и неторопливо поплыл к ширме, намереваясь взглянуть на свою благоухающую воду для купания... Как бы не так! Отчего же разит такой тухлятиной?!

Мужчина средних лет, оскалив зубы от отвращения, зажал нос и заметался по двору. Наконец его взгляд упал на те самые легендарные «лекарственные травы», которые пошли в дело, а рядом — на бесследно опустевший мешок из-под его личного, особого удобрения для цветов.

То было самое что ни на есть свежее удобрение, гарантирующее, что после подкормки цветы и бутоны расцветут пышным цветом. Разумеется, слово «свежее» в данном случае означало... ну, самое зловонное.

«Водица моя для мытья!.. — Шэнь Кунмин едва не плакал навзрыд. — Ну что за бестолковый ученик! Надо бы проучить его хорошенько, чтоб впредь не повторял такого!»

Он пулей влетел обратно в комнату. Фэй Цзинь послушно повернул голову, прямо в сторону другого цветочного горшка:

— Наставник, вы так быстро закончили медитацию? — Обычно наставник умирал внутреннюю энергию по меньшей мере пол-шира4, а сегодня управился столь стремительно. Быть может, вода, которую он согрел, оказалась недостаточно горячей?

— ... — Шэнь Кунмин долго сжимал кулаки, но в итоге снова переступил ногами за цветочный горшок, притворяясь, будто стоял там с самого начала. Вздыхая и качая головой, он произнес: — Пустяки. Наставник внезапно вспомнил, что позабыл дать тебе кое-какие напутствия.

— Прошу наставника приказать.

Шэнь Кунмин принялся молча разглядывать стоящего перед ним юношу.

Минует сегодняшний день, и этот юноша вступит в пору совершеннолетия, отметив свои двадцать лет. Вспоминая, как двадцать лет назад он подобрал этого глупого младенца у горного ручья, Шэнь Кунмин невольно ощутил, что «мирская жизнь — лишь сон великий, и сколько холодных зим сменила осень».

Тогдашний подкидыш, едва не утонувший в воде и умевший лишь заливать плачем, ныне вырос в статного, рослого юношу ростом в семь чи. И пусть у него не все ладно с глазами, да и умом он простоват, но, по крайней мере, вырос живым и невредимым.

Что ж, учитывая манеру Шэнь Кунмина воспитывать детей по принципу «сегодня за топор, завтра за молот», то, что Фэй Цзинь вообще выжил, можно считать чистой удачей.

Гора, на которой они сейчас стояли, до прихода Шэнь Кунмина не имела имени. А после того, как он здесь обосновался, он нарёк её горой Кунмин — способ наречения, прямо скажем, весьма ленивый.

Отсюда же становится ясно, почему Фэй Цзиня зовут Фэй Цзинем вовсе не потому, что его отец носил фамилию Фэй (откуда у подкидыша отец?). Просто Шэнь Кунмин в свое время рассудил, что придумывать имена детям — дело страшно хлопотное.

Шэнь Кунмину уже перевалило за сорок, и он полагал, что встретит старость здесь же, однако не собирался позволять Фэй Цзиню вечно оставаться дикарем в этих горах.

Хотя за эти двадцать лет среди круч Фэй Цзинь и впрямь мало чем отличался от лесного жителя: целыми днями водил дружбу с дикими кабанами, зайцами да утками-мандаринками, и даже с деревьями сперва братался, а уж потом пускал их под топор.

Разумеется, принимая во внимание зоркость Фэй Цзиня, никто не мог поручиться, что рубил он именно то дерево, с которым только что назвался братьями.

«Уж прости, братец-дерево».

Дитя выросло, и ему пора бы повидать свет. Да, именно так. И это абсолютно точно не связано с тем, что глупый ученик сыпанул цветочное удобрение вместо лекарств в его ванну. Абсолютно точно не связано, клянусь небом и землей!

— Наставник? — видя, что учитель погрузился в свои думы, Фэй Цзинь немного занервничал от робости.

— Ну-ну, иди сюда, — Шэнь Кунмин помахал рукой и с крайне озабоченным видом принялся наставлять ученика: — Я ведь уже рассказывал тебе про Цзянху у подножия гор? И говорил, что, согласно легендам мира боевых искусств, высший предел мастерства меча — это «один шаг — одна смерть»?

— Говорили.

— Так вот, Сяо Фэй, а знаешь ли ты, что самое трудное на пути к постижению этой техники?

— Нужен драгоценный меч? Или тайный трактат?

— Нет-нет-нет, всё мимо! «Один шаг — одна смерть» — ты вслушайся в само название! Ключ к успеху здесь в том, чтобы на каждом твоём шагу гарантированно оказывался враг!

— Это что же, нужно стать всеобщим врагом боевого мира? — Фэй Цзинь задумался.

А Шэнь Кунмин тем временем загадочно улыбнулся и с нескрываемой жалостью уставился на макушку ученика. К несчастью, Фэй Цзинь этого не видел. Поразмыслив немного, он внезапно прозрел: наставник не зря зовется наставником, какая глубокая мудрость!

— А потому, ступай прочь с гор, взгляни на здешний Цзянху. И пока не постигнешь технику «один шаг — одна смерть», назад не возвращайся, — Шэнь Кунмин погладил подбородок, на котором не росло ни единой волосинки, и притворно покачал головой.

Что и говорить, вылитый бессмертный старец, воспаривший над миром.

— Но наставник... — Фэй Цзинь все еще колебался.

Надо сказать, что на всей этой горе живыми душами были только они с учителем. К тому же наставник вечно болел, отличался хрупким здоровьем, и ведра воды поднять не мог. Стоило ему прилечь на кушетку, как у него сразу то тут прихватит, то там заломит. Фэй Цзинь с малых лет заботился о его пропитании и жилье, а если он уйдет, то как же наставник? Что, если несчастный старик с голоду помрет!

Фэй Цзинь с тоской во взгляде уставился на цветочный горшок.

Стоящий за горшком Шэнь Кунмин окончательно запутался: «Что это еще за траурное выражение лица, будто я уже приказал долго жить?!» Не успел он спросить, как Фэй Цзинь искренне произнес:

— Наставник, я не уйду с гор. Я буду заботиться о вас всю жизнь.

Шэнь Кунмин возвел глаза к небу, хотя увидел лишь потолок комнаты, а вовсе не небесный свод.

Он ошибся. Он горько ошибся. Не стоило ему с самого начала лениться, притворяться больным и перекладывать все дела на плечи Фэй Цзиня, а в свободное время томно возлежать на постели, предаваясь сплину да печалям по ушедшей осени. Теперь он сам вырыл себе яму, глупый ученик наотрез отказывается спускаться с гор!

Нет, надо срочно что-то придумать.

— Кхе-кхе, кхе-кхе! — Шэнь Кунмин поспешно зашелся в кашле. Фэй Цзинь переменялся в лице от испуга. Подхватив начавший двигаться смутный силуэт, он потащил его к кровати, еще сильнее укрепившись в мысли, что бросать наставника никак нельзя. Тут до него донесся слабый голос: — Ученик... есть кое-что, о чем я до сих пор тебе не говорил.

Раз уж Фэй Цзинь все равно ничего толком не видел, Шэнь Кунмин не стал выжимать из себя слезы, а просто придал голосу немощное и угасающее звучание:

— На самом деле мои внутренние раны становятся все тяжелее. Если не раздобыть чудодейственное снадобье Сяолунся, боюсь, дни мои сочтены.

— Сяо... Сяолунця? — на слух это показалось чем-то невероятно вкусным.

— Нет, Сяолунся! В Цзянху о нем ходят легенды. Если ты спустишься с гор, то... кхе-кхе, кхе-кхе!

Не дав наставнику договорить, Фэй Цзинь резко выпрямился:

— Наставник, будьте спокойны! Ваш ученик всенепременно добудет для вас Сяолунся!

«Отличная работа», — Шэнь Кунмин приподнял уголки губ и указал на топор у Фэй Цзиня за поясом:

— Этот меч зовется Шэнли. Он был передан мне учителем моего учителя, который получил его от своего учителя. Сегодня я вручаю этот фамильный клинок тебе. В Цзянху полно скрытых угроз, будь осторожен.

Фэй Цзинь был растроган до глубины души: наставник и впрямь лучший человек на свете! Оказывается, он изо дня в день держал в руках драгоценный клинок и тренировался, даже не подозревая об этом. Очертания этого меча столь изящны, а лезвие столь острое — истинное сокровище предков!

Ради наставника он непременно постигнет технику «один шаг — одна смерть», добудет лекарство и станет самым грозным и печально известным врагом всего боевого мира!

Вот так Фэй Цзинь и спустился с гор. При нем были лишь он сам, верный меч, просторный халат, пачка банкнот на баснословную сумму да пустые рукава — ни медяка.

Как и все юнцы, едва вступающие на тропу Цзянху, молодой господин Фэй был полон бьющей через край отваги и честолюбивых замыслов. Вот только если другие мечтали прослыть прославленными праведниками и воительницами, он лишь мечтал о том, как обретет дурную славу всеобщего врага боевого мира.

Однако реальность быстро окатила его пыл ушатом ледяной воды: в животе урчало, а раздобыть еды никак не получалось; карты не было, дорогу не разобрать; а стоило спросить пути, как перед ним оказывалась лишь мычащая корова, с которой и поговорить-то не о чем.

Постойте-ка, а это уже считается, что он стал врагом боевого мира? Фэй Цзинь немного поразмыслил и решил, что нет. В конце концов, по пути ему попадались лишь простые люди, ни одного мастера боевых искусств он так и не встретил. А чинить управу над мирными жителями — это не всеобщий враг боевого мира, это обыкновенный уличный проходимец и разбойник.

Подло и бесчестно.

Он молча прижал ладонь к фамильному великому мечу на поясе, внутренне поклявшись, что ни за что не опозорит славное имя предков своего наставника.

Да только... слава славой, но есть-то всё равно надо.

Юноша растерянно огляделся по сторонам и принялся взволнованно бормотать себе под нос:

— Наставник говорил, что у подножия гор нельзя есть что попало. Если голоден, нужно отыскать трактир или харчевню, заплатить звонкой монетой — и тогда наешься досыта. Да только где же эти трактиры с харчевнями? Как они выглядят? И красиво ли смотрятся?

Говорил он совсем тихо, и его никто не должен был услышать, однако за спиной внезапно раздалось отчетливое «пхи-хи», и мужской голос произнес:

— Если пойдешь прямо по этому тракту, впереди покажется город Янчжоу. Там есть заведение под названием Вантинчунь, где отменно готовят пьяных крабов. — Голос на мгновение умолк, а затем в нем зазвучала явная улыбка, полная глубокого смысла: — И смотрится оно тоже весьма красиво.

Сердце Фэй Цзиня наполнилось радостью. Он уже собирался обернуться и поблагодарить

незнакомца, как вдруг перед глазами расплылось и промелькнуло алое пятно. Невероятно яркий, яростный цвет хлынул волной вместе со шуршанием одежды, вмиг окрасив весь видимый мир в сплошной багрянец.

То был цвет ликующего, ослепительного великолепия.

И цвет кровавой, убийственной ауры.

И цвет мимолетного, потрясающего душу видения.

Юноша успел лишь моргнуть, а незнакомец уже растаял в воздухе, не оставив возможности подойти поближе и разглядеть хотя бы очертания фигуры.

— Какое поразительное мастерство, — пробормотал Фэй Цзинь, но тут же почувствовал, что здесь что-то не так. Лишь спустя приличное время до него дошло: — Ой! Это же был человек из Цзянху!

Первый повстречавшийся после спуска с гор мастер боевых искусств сбежал, даже не подравшись с ним! Он ведь даже не успел обнажить свой фамильный великий меч.

Что и говорить, опыта в Цзянху ему пока явно не хватает. Ладно, вот набьет живот — и тогда уж точно примется за превращение во всеобщего врага боевого мира, да-да.

Сперва — еда.

Город Янчжоу. Трактир Вантинчунь.

Вантинчунь по праву считался самым знаменитым заведением в Янчжоу. Местный шеф-повар превосходно готовил блюда хуайянской кухни, а уж его пьяные крабы обладали столь пронзительным, пропитавшим самые кости вкусом, что гости забывали обо всем на свете. Разумеется, при наличии столь изысканных яств посетители валили сюда гурьбой изо дня в день. Если не прислать весточку заранее, то свободного места можно было не дожидаться до самого заката.

Управляющий и слуги в Вантинчуне давно привыкли к подобной суете внутри и снаружи заведения. Вот только сегодня на улице творилось нечто из ряда вон выходящее, и это оживление казалось... каким-то неправильным?

Почтенный Хэ, управляющий трактиром, заметил, что у входа собирается все больше и больше народу. Причем люди толпились у самого порога, не желая ни заходить внутрь, ни уходить прочь. Они лишь вытягивали шеи и дружно глазели куда-то кверху. В душу управляющего закрались смутные сомнения, и он поманил к себе проворного слугу:

— Ступай взгляни, на что они там смотрят. Все дороги гостям перегородили. Если ничего важного, гони их прочь, пусть не мешают торговле.

Слуга и сам уже сгорал от любопытства, а потому мигом выскочил на улицу:

— Почтенные, почтенные, посторонись, дайте пройти, ай-ай-ай?.. Пройти? — Видавший виды трактирный слуга остолбенел на месте. Он вытаращился на вывеску родного заведения и недоверчиво протер глаза.

Там, наверху, неужели кто-то сидит?

— Го... господин? Дорогой гость, зачем вы распластались на вывеске нашего заведения? Живее спускайтесь! Нет, постойте... как вы вообще туда взгромоздились? — Вывеска-то висела над самыми дверями, ни лестницы рядом, ни подставки какой. Как этот человек ухитрился туда залезть, да еще и застыть в столь... столь неподобающей позе, прильнув вплотную к буквам?

Как Фэй Цзинь туда забрался? Фэй Цзинь туда запрыгнул.

Следуя указаниям того доброго человека, он без труда добрался до Янчжоу. Юноша, ни разу не спускавшийся с гор, едва не ослеп от хлынувшего на него мирского великолепия. Пусть он мало что видел отчетливо, но сама непередаваемая атмосфера большого города ощущалась всюду.

Главная загвоздка заключалась в том, что город был огромен. Как в таком месте разыскать легендарный Вантинчунь?

Оставалось только подойти поближе, еще ближе, совсем вплотную... О, отлично, теперь в самый раз! Три огромных иероглифа на доске гласили именно «Вантинчунь». В глазах молодого воина Фэя вспыхнул радостный огонек: «Оно самое, место, где кормят!»

И он с ликованием спрыгнул с вывески прямо вниз. Развернувшись лицом к чернеющей толпе зевак, он уже приготовился объявить, что пришел отобедать. Однако стоило его ногам коснуться земли, как толпа, только что с упоением следившая за зрелищем, с громким шумом сгинула прочь, словно волна смыла.

Лишь оказавшийся ближе всех трактирный слуга не успел унести ноги. Фэй Цзинь по-свойски опустил ладонь ему на плечо. Несчастный малый вмиг побелел как полотно, затрясся всем телом и с глухим стуком рухнул на колени. Обливаясь горячими слезами, он взмолился:

— Великий воин, пощади! У меня дома восьмидесятилетняя матушка и трехлетний младенец, пощади, отпусти с миром!

Фэй Цзинь: «???»

— Уважаемый, мне бы поесть.

Трактирный слуга забился лбом в пол:

— Великий воин, в нашем заведении человечинной не торгуют!

— Раз нет человечины, неси что-нибудь другое... Ой, неужели у подножия гор нынче модно есть людей? Это как-то нехорошо.

Слуга украдкой скосился на топор, торчащий у Фэй Цзиня за поясом. Взглянул на то бурое месиво на лезвии... Кровь, это же наверняка кровь! Перед ним точно сидел матерый разбойник с большой дороги, грабитель и убийца.

Открыто, у всех на виду, при ясном небе расхаживать повсюду с орудием убийства — истинный преступник!

«Ах, такой молодой, а убийственной ауры в нем — хоть отбавляй! Вы только посмотрите на эти глаза, на эти брови, на этот взгляд... Так смотрят только на мертвецов! О небеса милостивые, сейчас меня убьют и на закуску пустят! А этот свирепый бандит еще и прикидывается, мол, есть людей нехорошо. Какое лицемерие! Сыновний долг я не исполнил, не сберег твою старость, матушка, но ты только не убивайся по мне, о-хо-хо ...»

Фэй Цзинь не видел этого убитого горем лица. Он лишь подумал, что у подножия гор завелся какой-то дурной обычай чуть что падать на колени и бить поклоны. Да вдобавок ко всему здесь еще и людей едят? Цзянху и впрямь невероятно коварное место.

Управляющий Вантинчуня не застал недавней сцены у порога. Прождав битый час, он разглядел лишь смутный силуэт слуги, который стоял на коленях и навзрыд хлюпал носом. Раздосадованный почтенный Хэ зычно крикнул:

— Я велел тебе разогнать толпу у дверей, а ты чего там расселся, точно девка на подмостках?! Если пришел гость — веди в зал, что за непотребный вид!

Услышав это, Фэй Цзинь искренне обрадовался: похоже, вот тот, внутри, и есть хозяин. Он высвободил угол своего халата из судорожной хватки слуги и перешагнул через порог:

— Уважаемый, мне бы поесть, — в животе у него и впрямь уже давненько утробно урчало. Немного подумав, он счел нужным со всей серьезностью добавить: — Людей я не ем, так что это подавать не надо.

Управляющий поначалу сидел, уткнувшись в счётную книгу. Услышав слово «люди», он в недоумении поднял голову и чуть не умер от страха от одного лишь взгляда Фэй Цзиня. Какая свирепая мина, какое устрашающее обличье — вылитый разбойник с большой дороги!

О небеса, а что это у него на поясе болтается? От одного вида этого топора с кровавыми зазубринами волосы дыбом встают!

Свирепый бандит! Людоед!

У почтенного Хэ подкосились ноги, и он едва сам не рухнул на колени. К счастью, он все же успел съесть в этой жизни больше соли, чем его бегающий по залу слуга, а потому, преодолевая дрожь, сумел выставить вперед шкатулку с выручкой и пододвинул ее к Фэй Цзиню:

— Ве... великий воин, все деньги здесь, прошу взглянуть, нравится ли вам?

Фэй Цзинь непонимающе уставился на шкатулку:

— Мне не нужны деньги, мне бы поесть. — «Разве за еду не полагается платить?» — рассудил он про себя. Решив, что трактир просто-напросто боится, как бы он не ушел не расплатившись, юноша вытащил пачку банкнот и развернул их: — Смотрите, у меня есть монета, я все оплачу.

Этот жест окончательно утвердил управляющего в мысли, что перед ним матерый грабитель. Какой нормальный человек станет разгуливать по улицам с такой прорвой денег? Ясное дело: только что пустил под нож какую-нибудь деревню или уезд и явился сюда, горделиво соря нагребленным.

О Небо и Земля, в чем же он так провинился, что накликнул на себя эту напасть? Стоит хоть каплей слова задеть этого почтенного господина, и здесь же все кровью зальет!

Сердце почтенного Хэ обливалось кровью. С величайшей неохотой он выудил из-за пазухи кошель, отпер потайной ящичек под прилавком и выгреб все накопленные за долгие годы нечестные доходы:

— Великий воин, это все мои скромные сбережения, умоляю, яви милость, пощади мою ничтожную жизнь!

Говоря это, он отчаянно подмигивал остальным слугам, застывшим от ужаса в зале. Очень скоро перед Фэй Цзинем выросла целая гора из кошельков, денежных мешков, серебряных ларцов и... вонючих носков.

Зачем там оказались вонючие носки? Да потому что в них прятали записки.

Молодого воина Фэя от этой вони едва не вывернуло наизнанку.

Он решительно не понимал, что здесь происходит. Неужели наставник слишком долго

засиделся в горах и отстал от мирской моды, позабыв растолковать, что нынче за обед принято не отдавать деньги, а забирать их?

Что ж, у каждого места свои порядки. Раз положено брать деньги, значит, надо брать.

Вот только те зловонные носки вместе с медяками внутри даром не нужны, они лишь аппетит портят. А все остальное он собрал вместе.

Увидев, что бандит принял подношение, все присутствующие облегченно перевели дух. Окажись этот злой гений с серебром в кармане, он ведь должен наконец убраться прочь? Пусть пришлось разориться, зато головы целы, нечего и локти кусать... Нет, все-таки безумно жаль, столько добра пропало!

Однако Фэй Цзинь, прибрав деньги, преспокойно усаживался за стол. Повернув голову, он распорядился:

— Несите все самое вкусное, что у вас есть. И да, не забудьте пьяных крабов, — уходит он явно не собиравшись.

Управляющий Хэ позеленел лицом: «Каков убыток! Деньги сгреб, да еще и человечиною закусить желает!»

Поскольку в зале восседал почетный гость, изъявивший желание отведать людского мяса, шеф-повар Вантинчуня ради спасения собственной шкуры превзошел самого себя. Он приготовил роскошный хуайянский пир, так что стол буквально ломился от яств.

На горе готовкой всегда промышлял сам Фэй Цзинь. Никаких тайных рецептов он не ведал, просто разваривал продукты до мягкости да сыпал приправы на глаз. Юноша, никогда прежде не пробовавший таких утонченных блюд, испытал неопишное наслаждение. Он даже приобнял повара за плечо, вежливо прося пояснить, какое из этих блюд — те самые пьяные крабы.

У шеф-повара от страха подкашивались колени. Опираясь о край стола, он отчаянно подавал знаки взглядом управляющему. Почтенный Хэ, чье лицо выражало скорбную решимость в духе «держись, о герой, до конца!», втихомолку выскользнул через заднюю дверь.

В этот миг шеф-повар Вантинчуня вдруг отчетливо осознал, что безмерно стар. Пожалуй, ему следовало бы умыть руки, вернуться домой, нянчить внуков да мирно доживать свой век. Как назло, сын его так и не сумел подарить ему внука... Знать бы заранее, стоило позволить непутевому сыну взять прелестную наложницу...

— Хрусь! — звонкий щелчок оборвал жалостливые думы повара. Фэй Цзинь, насупив брови и удерживая в зубах краба, в недоумении постучал пальцем по панцирю. Ого, а эти пьяные

крабы, оказывается, на редкость жесткие!

«Небеса! И впрямь свирепый головорез, крабов прямо с панцирем ест!»

Когда окно Вантинчуня с грохотом распахнулось и прекрасная дева в нежно-розовом платье, обвитая розовыми шелками, с благородным изяществом опустилась прямо с небес, ее взору предстала именно эта «ужасная» картина.

— Что за дерзкий вор посмел чинить бесчинства и притеснять мирных жителей на землях моей заводи Саньфэнью?! А ну, живо отдавай награбленное добро, и тогда, быть может, я пощажу твою ничтожную жизнь!

Розовая дева грациозно крутанулась в воздухе, ее юбка распустилась подобно цветочному бутону, и она легким движением опустилась прямо на обеденный стол. Бросив сверху вниз звонко крикнула, она не забыла изящно перекинуть шелковую ленту через руку, чтобы та не свисала как попало и не портила благородную осанку.

Вот только приземлилась она как раз перед столом Фэй Цзиня и воочию узрела ту глупую мину, с которой юноша усердно грыз крабовый панцирь.

«Неотесанный бандит он и есть бандит! Сует краба в рот целиком, и хоть бы хны. Не боится зубы обломать? Будет потом до конца дней своих шепелявым разбойником».

Управляющий Хэ вошёл в дверь вслед за девушкой. Как выяснилось, он вовсе не сбежал в кусты, бросив повара со слугами на произвол судьбы, а просто-напросто ходил за подмогой.

Теперь, когда спасительница была здесь, к нему вернулась былая уверенность. Выпятив грудь колесом, он застыл поодаль у самого порога и грубо пригрозил:

— Истинно так! Ничтожный воришка, ведаешь ли ты, пред кем стоишь?!

Фэй Цзинь, удерживая в зубах краба, лишь покачал головой и весьма услужливо подхватил беседу:

— И перед кем же?

Управляющий Хэ с напыщенным видом провозгласил:

— Считаю, что твой час пробил! Перед тобой — не кто иная, как сама Бессмертная дева Светлой Луны Чу Цзы, славнейшая ученица крупнейшей в Янчжоу секты Саньфэнью! Ее ратное мастерство гремит по всему боевому миру. Раз уж она взялась вершить правосудие, тебе не спастись!

Воительница?

Фэй Цзинь на мгновение опешил. Он подумал, что эта дева весьма примечательна, да и голос ее звучит совсем иначе, нежели у обычных женщин. Впрочем, за всю свою жизнь из женского полу он видел разве что супругу охотника Вана, тетюшку Ван, что жила под горой Кунмин — так что всех виденных им женщин можно было сосчитать по пальцам одной руки.

— Ох, — молодой воин Фэй шумно втянул воздух. Эти пьяные крабы хоть и были объединением, но оказались слишком твердыми, аж зубы заломило.

«Может, в следующий раз стоит сперва порубить их мечом, а уж потом есть?» — с этой мыслью он мельком глянул на «драгоценный клинок» у себя на поясе.

А почтенный Хэ, выставив вперед грозное имя школы Саньфэнь, ожидал, что бандит от страха наложит в штаны. Кто же знал, что тот и бровью не поведет! Мало того что этот мерзавец продолжал с хрустом перемалывать челюстями крабовый панцирь, так он еще и кровожадно покосился на свое окровавленное оружие на поясе! Управляющий судорожно сглотнул.

«Этот безумец даже Саньфэнь ни во что не ставит... Может, зря я ввязался в этот переполох, понадеявшись на Бессмертную деву?» — и почтенный Хэ испуганно воззрился на розовое платье.

Чу Цзы, которая битый час удерживала свою эффектную позу, мало того что не дождалась от мелкого воришки восхищенных взглядов и похвал, так еще и оказалась в тени какого-то несчастного краба! Ей это знатно портило кровь, и она с ледяной усмешкой процедила:

— Сперва ты пролил невинную кровь ради наживы, а теперь упорствуешь в своем грехе! Что ж, сегодня я исполню волю Небес и покараю тебя, злодей!

Она громко и звонко выкрикнула, и трактир тут же взорвался шквалом рукоплесканий как внутри, так и снаружи.

И тут до Фэй Цзиня наконец дошло. «Ого, а ведь эта девица, с головы до пят укутанная в розовое, только что влетела сюда, используя технику легкости цзянгун! Стало быть, она из Цзянху?» Пусть он и не понял ни единого слова из ее обличительной речи, это было совершенно не важно. Главное — перед ним мастер боевых искусств!

Наконец-то повстречав собрата по оружию, Фэй Цзинь воспрянул духом. Забыв про краба и яства, он спешно поднялся с места, с величайшим почтением сложил руки перед Чу Цзы и со всей серьезностью взмолился:

— Воительница, не сочтите за труд стать моим самым первым побежденным противником! Премного вам благодарен!

Сам он полагал, что выказал отменное воспитание: манеры учтивы, речь полна почтения, да еще и вежливые обороты применил — искреннее и быть не может! Вот только Бессмертную деву Светлой Луны от этих слов едва удар не хватил.

Подумать только: она, старшая ученица великой Саньфэнь и родная дочь нынешней главы клана, всегда шествовала по Цзянху с гордо поднятой головой! Любой молодой господин при встрече с ней рассыпался в любезностях. И надо же было такому случиться: явилась поймать мелкого негодяя, а этот наглец смеет заявлять ей подобное?!

Поверженный враг? Смех да и только! Сегодня она заставит его до печенок прочувствовать, что такое истинное отчаяние.

Преисполненная дикого гнева Бессмертная дева Светлой Луны не стала тратить слов попусту. Издав короткий клич, она хищной тенью скользнула вперед, обрушивая удар прямо на Фэй Цзиня.

Все верно: секта Саньфэнь славилась на всю Поднебесную именно техникой ближнего боя с упором на кулаки и ноги. Их кулачный стиль именовался «Кулаком цветов», а удары ног — «Вышитыми ногами», а вместе они составляли не что иное, как «Искусство цветочных кулаков и вышитых ног».

И пускай это название звучало нежно и манерно, словно забава, придуманная девицами в покоях от нечего делать для разгона тоски, на деле же приемы стиля отличались жестокой беспощадностью. Каждое движение таило в себе вязкую внутреннюю силу, способную разьедать кости и точить костный мозг. Прими ты такой удар кулаком или ногой в полную силу, и какое бы высокое мастерство у тебя ни было, внутренних ран не избежать: в лучшем случае будешь харкать кровью, в худшем — испустишь дух на месте.

А потому, несмотря на столь журчащее, точно вешняя вода, название стиля, люди в Цзянху предпочитали лишний раз не навлекать на себя гнев учеников Саньфэнь.

Чу Цзы, чувствовавшая себя глубоко оскорбленной, вложила в удар немалую мощь. Ее кулак целил точнехонько в грудь Фэй Цзиню. Казалось, удар вот-вот достигнет цели, как вдруг Фэй Цзинь издал негромкое «айя-яй» и легким, изящным прыжком отпрянул назад, мгновенно выходя из зоны поражения.

То было неизвестное доселе искусство перемещения. С виду юноша не совершил ни одного лишнего движения, однако сам шаг вышел на редкость причудливым, неуловимым и загадочным.

Бессмертная дева Светлой Луны мигом отбросила былую уверенность и посерьезнела.

Фэй Цзинь же все еще кривился от зубной боли. Он думал о том, до чего же здешний люд на удивление крепок: жрать эдакую твердыню изо дня в день, да еще и величать изысканным

кушаньем! В следующий раз точно придется сперва искромсать мечом. Но сейчас куда важнее был поединок.

Для юноши это была первая настоящая схватка, и сердце его трепетало от восторга. В своем тумане он лишь смутно улавливал, что расплывающееся розовое пятно перед ним идет в бой с голыми руками — доносился лишь свист рассекаемого плотью воздуха.

Впрочем, Фэй Цзинь не страдал благородной глупостью в духе «настоящий муж обязан уступать девицам» или «вооруженный должен поддаваться безоружному». Он волевым движением выхватил топор из-за пояса и с зычным кличем: «Берегись меча!» — ринулся навстречу.

Чу Цзы, успевшая собрать внутреннюю энергию в кулак и горевшая желанием избить этого наглеца до полусмерти, от столь дремучей глупости — замахнуться топором и орать про меч, едва не поперхнулась воздухом. Ей враз стало и смешно, и горько; больше всего на свете ей сейчас хотелось своими нежными кулачками размозжить грудину этому глупцу.

— Ты!.. Да ты просто жалкий воришка! — Вся накопленная внутренняя сила от сдерживаемого смеха хлынула вспять, едва не наградив деву внутренними ранами еще до начала боя.

«Неужели это его уловка? До чего же подлая тактика!»

Сам Фэй Цзинь, на которого в одно мгновение мысленно навесили ярлыки и дурака, и подлеца, ни о чем таком и не догадывался.

С самого рождения он скрещивал оружие только со своим учителем. А наставник... что ж, наставник вечно недомогал: из тридцати дней в месяце дай бог дней десять чувствовал себя сносно. Фэй Цзинь никогда не смел прикладывать к нему силу. Так что ныне он впервые вкушал радость настоящего поединка.

У Чу Цзы кулачное мастерство было весьма недурным, а приемы — хитрыми и изящными. Фэй Цзинь от этого радовался все сильнее, а поскольку все ощущения для него были в новинку, он то и дело оглашал зал восторженными криками, совсем как деревенский простак, впервые очутившийся в столичном дворце.

Внутри и снаружи трактира было слышно только, как его топор со свистом рубит, а сам он громко кричит:

— Воительница, до чего же у вас кулаки крепкие!

— Воительница, а удар ноги — просто загляденье!

— Воительница, а силушка-то у вас в самый раз, неужели это и есть те самые легендарные

цветочные кулаки и вышитые ноги?!

У стоявшего за дверью управляющего Хэ судорожно дернулся угол рта. Чем дольше он слушал, тем более двусмысленными казались эти речи. Да этот негодяй будто... будто откровенно заигрывал с Бессмертной девой!

Секта Саньфэнь держала в руках весь Янчжоу, власть ее простиралась до самых небес, а Бессмертная дева в глазах местных жителей почиталась вторым по силе мастером — уступая лишь собственной матушке, главе клана. За долгие годы еще никому не удавалось одолеть Чу Цзы, не говоря уже о том, чтобы так бесстыдно над ней насмеяться. Почтенный Хэ догадался: дело дрянь, беда стучится в двери.

Впрочем, толпившийся поодаль люд слов толком разобрать не мог. Обыватели лишь смутно улавливали, что в зале идет нешуточный бой, а «свирепый бандит» то и дело выкрикивает похвалы да признает чужую силу. Решив, будто разбойник просто-напросто молит воительницу Чу о пощаде, горожане изрядно повеселели: выходит, и сегодня Янчжоу под крылом Саньфэнь пребудет в мире и покое.

Потому-то, когда Чу Цзы пулей вылетела из окна Вантинчуня, толпа разразилась бурной овацией, провожая взглядом порхающую прочь Бессмертную деву.

Вот только когда мгновением позже народ хлынул внутрь заведения, горя желанием узреть жалкие останки «свирепого разбойника», все как один остолбенели.

Их взору предстал «свирепый и ужасный» бандит, который преспокойно восседал за столом и с помощью окровавленного топора ожесточенно крушил крабов.

С виду он не то что не пострадал — облик его сделался как будто еще более кровожадным.

Чу Цзы потерпела поражение. И вдобавок была жестоко унижена.

По крайней мере, сама она считала именно так.

А случилось вот что: поскольку все приемы Чу Цзы требовали ближнего боя, а Фэй Цзинь со своим «драгоценным клинком» ловко удерживал оборону, расстояние между ними неумолимо сокращалось. И в конце концов в его туманном взоре проступили очертания чего-то весьма отчетливого.

Целый ряд цветов.

Ряд алых цветов.

Целая вереница ярко-розовых, идеально выстроенных в линейчку бутонов украшала прическу Чу Цзы — один к одному, на редкость аккуратно и премило.

Сказать по правде, наставник Фэй Цзиня, случилось, тоже был не прочь вплести цветок в волосы, но обходился от силы одним. А вот когда девица утыкивает всю макушку целой грядкой из семи бутонов... Фэй Цзинь припомнил слова Шэнь Кунмина: подобное непотребство зовется Хуачи — «помешательство на цветах».

Однако Фэй Цзиню зрелище показалось весьма недурным и даже праздничным, а потому он высказал свое восхищение от чистого сердца:

— Воительницы у подножия гор и впрямь мастера наряжаться, вкус у вас совсем иной, нежели у супруги старшего брата Вана. Даже это хуачи у вас вышло на редкость примечательным.

Сам-то он говорил со всей искренностью, а вот Чу Цзы едва не выплюнула ком крови. Ее хваленое мастерство мало того, что оказалось бессильно против этой нелепой, напоминающей рубку хвороста «техники меча», так ее еще и прилюдно обозвали полоумной!

В итоге Бессмертная дева Светлой Луны, взаправду обратившись в чьего-то поверженного противника, сгорела от стыда и гнева. Закрыв лицо руками, она в точности как при появлении сиганула в окно и мгновенно скрылась в облаке пыли.

Благо хоть при бегстве сумела сохранить благородную осанку и грацию, так что жители Янчжоу и не заподозрили, в каком плачевном состоянии находилась их защитница.

Теперь пришел черед управляющего Вантинчуня обливаться горючими слезами.

Он-то наивно полагал, что с приходом Бессмертной девы из Саньфэньу трактир благополучно избежит гибели. Кто же мог подумать, что этот головорез окажется настолько силен, что вытолкает саму девицу Чу!

Выходит, теперь он, приведший эту девицу, в глазах бандита стал для него как заноза, от которой не избавиться?

Этот негодяй ведь мечтает, как бы человечины отведать! Стоит ли... стоит ли попытаться оправдаться, дескать, года уже не те, мясо старое да невкусное? А ну как это чудище свирепое отрежет: «Вот и ладно, как раз желаю отведать невкусной человечинки»?

Нет-нет-нет, про человечину лучше помалкивать. Надо просто расстараться изо всех сил, ублажая этого почтенного господина, глядишь, Небеса и явят милость.

Утвердившись в этой мысли, почтенный Хэ кое-как совладал с душевным трепетом и бочком, мелкими-мелкими шажками приковылял к столу Фэй Цзиня. Кланяясь в пояс, он заискивающе

улыбнулся:

— Как спалось, уважаемый гость... то есть, понравилось ли вам наше угощение, великий воин? Если мало показалось, я велю повару еще приготовить, с вас ни единого медяка не возьмем, истинное слово!

Повар, которого без вины виноватого снова приплели к делу, охнул:

— Чего?!

Управляющему Хэ было не до него. Внезапно осознав, что сболтнул лишнего, он поспешно исправился:

— Нет-нет-нет, я хотел сказать: если вам угодно, я самолично оберу до нитки всех присутствующих и поднесу их кошели вам из уважения!

К чему вообще было заводить речь про бесплатный обед? Этот разбойник и так платить не собирался, он уже прибрал к рукам все серебро слуг, повара и его самого. Теперь оставалось лишь отобрать кошельки этих незадачливых зевак внутри и снаружи, только бы грозный господин остался доволен, сыт и позабыл думать о человечине!

Зеваки, явившиеся всего-навсего поглазеть на зрелище: «...».

И грабить никого не надо, они сами все отдадут, честное слово.

Смех да и только: сдался им этот несчастный кошель, если жизнь на волоске висит!

В итоге Фэй Цзинь, расправившись с крабом, поднял голову и обнаружил перед собой целую гору из денежных мешков да вышитых кошельков.

«До чего же странные порядки у подножия гор...» — молодой воин Фэй, сытый по горло и вдоволь навоевавшийся, погрузился в раздумья. Как бы то ни было, а уходить не расплатившись за обед было в корне неправильно. И он спросил у управляющего Хэ:

— Наставник учил, что за еду всегда положено платить. Ты наотрез отказываешься брать мои деньги, неужели ты меня ни во что не ставишь?

Раздался глухой стук: управляющий Вантинчуня закатил глаза и без чувств рухнул на пол.

Отныне жители Янчжоу описывали этот день одним-единственным словом: «Беда».

Примечания переводчика:

1. Чи (尺) — китайский фут, мера длины. В эпоху, описываемую в романах уся, обычно составляет около 31-33 см.
2. Игра слов с именем героя: Иероглифы 費勁 (Fèi Jìn) буквально переводятся как «прилагать огромные усилия», «с трудом», «хлопотно».
3. Чжан (丈) — мера длины, равная 10 чи (около 3,2 метра). В тексте использовано идиоматическое выражение «Монах длиной в два чжана не может дотянуться до собственной макушки», что означает крайнюю степень замешательства, недоумения.
4. Шир (日, шичэнь) — традиционная китайская единица времени, равная двум современным часам. Пол-шира — соответственно, один час.

<http://bllate.org/book/17303/1725511>